

Ренеггер когда-то твердо верил, что будет достоин пребывать рядом с Богом после смерти. Все его существование определялось ролью носителя Священного Меча, не оставляя ему причин бояться неизбежного. И так, почему все изменилось? С тех пор, как он впервые столкнулся со смертностью, мысль о собственной смерти стала навязчивым ужасом.

Когда он очнулся после своего первого около-смертного опыта, на него поначалу нахлынуло облегчение оттого, что он выжил, но оно быстро вытиснилось непреодолимым чувством вины. Ему стало стыдно за себя, и он поклялся никогда больше не испытывать желания жить.

Тем не менее, он обнаружил, что просит пощады не у кого иного, как у Апокалиты. Осенив себя крестным знаменем, он сложил руки вместе и начал горячо молиться в своем сердце. Как один из верующих Богу, он просил прощения за то, что бросил вызов доктрине и общался с одним из противников Бога. Он умолял об отпущении своих грехов, умоляя Бога о силе и защите.

Пока Ренеггер сжимал сплетенные пальцы в молитве, навязчивые мысли продолжали одолевать его. Лицо Карины и недозволенный трепет, который он испытал, когда они разделили тот глубокий поцелуй, неотступно преследовали его мысли. Он вспомнил все это с предельной ясностью: ее нехарактерное изумление, так непохожее на ее обычное холодное безразличие, прямо перед тем, как она оттолкнула его, и тревожное чувство безнравственности, охватившее его, когда он взглянул на нее.

Проклиная собственную слабость, Ренеггер прижал обе руки ко лбу. Как дитя Божье, было немисливо, чтобы он питал такие эмоции или желания. Он горячо желал избавиться от этих порочных желаний, возобновляя свою страстную молитву и прося прощения как заблудший сын Божий.

В конце концов, Ренеггер попытался осторожно подняться, но странный лязгающий звук привлек его внимание к лодыжкам. Кривая улыбка тронула его губы, когда он увидел прикрепленные к ним внушительные кандалы.

— Боже мой, — пробормотал он.

— Ты проснулась, — раздался голос от двери.

Взгляд Ренеггера переместился с кандалов на Карину, которая небрежно прислонилась к дверному косяку и начала приближаться.

— Зачем кандалы? спросил он.

— Я подумала, что ты можешь попытаться сбежать еще раз. Ответила Карина, пожав плечами.

— Я не буду.

— Ваши заверения не имеют большого значения, учитывая ваши предыдущие действия.

— Я не буду пытаться, — пообещал он, встретившись с ней взглядом. — Больше нет.

Губы Карины скривились в лукавой усмешке, когда она заметила едва уловимую двусмысленность в его обещании.

— Верно. Если бы ты сбежала сейчас, все, что произошло вчера, было бы напрасно.

Карина протянула руку, высвобождая потрескивающую зеленую энергию, которая устремилась к кандалам. Они затвердели, затем разделились на две части, приземлившись на землю с приглушенным стуком. Ренеггер отряхнул пыль со своих лодыжек, но почувствовал, как его вновь захлестнуло чувство одиночества.

С другой стороны, Карина оставалась равнодушной, когда принесла стул и поставила его перед ним.

— Итак, каково это? Она подперла подбородок руками, изящно сдвинула носком ноги длинную юбку и закинула левую ногу на правую. — Я имею в виду, каково это — быть Латемом, заключившим клятву с Апокалитой, твоим политическим и идеологическим противником?

Ренеггер тяжело сглотнул, чувствуя, как неприятно дернулось горло. Он провел большой рукой по своему иссохшему лицу, и на кончике его острого подбородка выступили капельки пота.

— Если ты думаешь, что оскорбление меня спровоцирует меня освободить тебя от твоей клятвы, я сообщу тебе, что это не сработает, — спокойно ответил он. — Теперь, когда наша кровь смешалась, клятва — это не то, что можно отменить по своему желанию.

— Я в курсе. Карина пожала плечами. — Именно поэтому я все это и говорю. Я не уверена, что ты готов к последствиям.

Поднявшись со стула, она медленно приблизилась к нему, пока их колени почти не соприкоснулись. Затем она протянула руку и схватила его за голову погрузжая пальцы в волосы.

— Есть кое-что, чего ты, кажется, не понимаешь, — продолжила она, проводя рукой по его затылку. — Ты человек, а я нет. Другими словами, мы не до конца осознали жестокость кровной клятвы между различными видами, подобными нам.

Ренеггер почувствовал покалывание на коже в том месте, где его коснулась ее рука. Исходящий от нее пленительный аромат был неизбежен из-за их близости, но он сохранил самообладание, не сводя с нее глаз. Он почувствовал, как его тело напряглось, разогревшись от возбуждения, а дыхание участилось. Внезапно он почувствовал головокружение, его

физические реакции сбили его с толку.

Каждое движение Карины возбуждало, и огонь внутри него разгорался с нарастающей силой. Охваченный водоворотом эмоций, которых он никогда раньше не испытывал, он бессознательно схватил ее за запястье и прижал ее руку к своим губам. Когда тепло ее кожи просочилось на его губы, он опьянел от ее сладкого аромата.

— Вот что это значит, — промурлыкала она, в ее глазах появился озорной блеск, когда она посмотрела вниз на его нижнюю половину тела, в то время как ее рука покоилась на его груди. — Я буду жаждать тебя, а ты будешь жаждать меня. Так что не забудь взять на себя ответственность, Ренеггер.

Ее руки обвили вокруг его шеи, когда она обхватила его затылок и уткнулась лицом в изгиб его шеи. Низкий стон сорвался с губ Ренеггер, когда ее губы коснулись его кожи, но этот звук только придал ей смелости. Постепенно обесцвеченный участок кожи под его ухом начал возвращать свой первоначальный оттенок.

Ренеггеру было трудно осознать, что с ним происходит. Почему он оказался в плену этого всепоглощающего желания к ней? Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку. С его стороны было глубоко и морально неправильно тосковать по Апокалите, точно так же, как Апокалите было запрещено воцелеть человека. Апокалита и люди были злейшими врагами, их вражда длилась столетия. Обладать таким желанием было против всякого разума.

Его рациональный разум вел ожесточенную борьбу с обжигающей жаждой, но его тело уже начало реагировать чисто инстинктивно. Осторожно опустив Карину на пол, он оседлал ее и обхватил за плечи.

— Теперь мы будем тосковать друг по другу, — прошептала Карина, ее пальцы ласкали его щеку, ее голос источал непреодолимое очарование. — С этого пути нет отступления.

Ее слова были похожи на колючую сеть, обвивающую его, очаровывающую и все глубже затягивающую в свои объятия. И все же Ренеггер не мог заставить себя разорвать эти чарующие узы; он добровольно сдался. Когда он снова молил своего бога о прощении, его тело опустилось на нее, и они стали единым целым в глубине их общего желания.

Говорили, что запретный плод всегда имеет сладчайший вкус. Впервые в жизни Ренеггер по-настоящему осознал значение этой поговорки. Апокалиты были заклятыми врагами Латемов, но сейчас он крепко держал одну из них в своих объятиях. Он остро осознавал, насколько по сути неправильными и запретными были его действия, но желания держали его в плену, пересиливая рациональность. Он просто не мог заставить себя освободить Карину.

Наслаждаясь ее сладкими поцелуями, он жаждал большего. Он жаждал ее плоти, ее крови, ее

запаха. Его жажда казалась неутолимой, и это наполняло его беспокойством. Когда он усилил хватку, то смутно услышал стон, хотя и не мог различить, чьи губы издали его. Они тяжело дышали и стонали, их тела придвигались все ближе.

Когда их губы наконец разомкнулись, он нежно потянул ее за запястье, осыпая пальцы поцелуями. Губы Карины приоткрылись, как будто она хотела что-то сказать, но у него не хватило терпения слушать. Вместо этого он уткнулся лицом в ее шею, прижимаясь нетерпеливым ртом к ткани, прикрывавшей ее кожу, отчаянно покусывая ее плоть.

Она схватила его за подбородок и притянула к себе для еще одного пылкого поцелуя. Воздух вокруг них стал тяжелым от смешения их жарких дыханий. Глубокий стон вырвался у Ренеггера, когда Карина прикусила его губу так сильно, что пошла кровь, а затем слизнула ее. Затем она прикусила свой собственный язык и засунула его ему в рот.

Ренеггер наморщил лоб, когда вкус крови Карины начал проникать в его чувства, но он не мог сопротивляться ей. Когда их языки переплелись, у него вырвался удовлетворенный вздох. Временно насытившись тем, что излил на нее свою страсть, он оторвался от Карины и вытер кровь с губ тыльной стороной ладони. Его лазурные глаза горели диким желанием.

— На данный момент этого должно быть достаточно, — заявила она, перемещая свое тело и мягко толкая его в плечо. — Для тебя этого будет недостаточно, но для меня этого достаточно.

Ренеггер хранил молчание, опасаясь, что, если он заговорит, у него может вырваться выражение всей глубины своего желания. Он наблюдал, как она поднялась на ноги, разглаживая юбку, задрвшуюся до бедер.

Карина слегка покачнулась, восстанавливая равновесие, но она чудом избежала неловкого падения, удержавшись рукой на столе. Затем она вытерла кровь с губ и устремила на него свои изумрудные глаза.

— Нет, если быть точным, продолжила она, — этого достаточно для нашей клятвы.

— Что это значит? Поинтересовался Ренеггер, его голос был медленным и сонным, но, несомненно, соблазнительным.

Она нахмурила брови и объяснила: — Нам нужно продолжить смешивать нашу кровь, прежде чем цвета наших душ начнут портить друг друга.

Клятва крови, изначально созданная для укрепления доверия между тремя семьями, была связующим соглашением с уникальной изюминкой. Она обладала способностью окрашивать души связанных сторон в цвет их двойников. У каждого вида был свой цвет души. Для людей с одинаковым оттенком души было достаточно одного ритуального смешения крови, чтобы выполнить клятву. Однако, когда дело дошло до разных видов, все усложнилось.

Когда цвет души отклоняется от своего первоначального оттенка, она инстинктивно стремится вернуться к своему первоначальному состоянию. Следовательно, ежедневное смешивание крови стало необходимым для обновления и поддержания клятвы между различными видами. Проще говоря, если бы они пропустили день этого ритуала, прежде чем выполнить условия своей клятвы, сила смещения божественной силы Латема и проклятой крови Апокалиты возродилась бы, что привело бы к жутким последствиям слияния двух из-за взаимного потребления крови.

— Итак, — заметил Ренеггер, слегка проводя пальцами по губам, — ты хочешь сказать, что мы должны целоваться вот так и обмениваться кровью каждый день?

Карина заметила, как искривился его рот, прикрытый рукой. Было неясно, какое у него было выражение лица, но у нее возникло ощущение, что он, возможно, усмехнулся. Его реакция озадачила ее.

— Ну, еще можно брать кровь и вводить ее в тела друг друга, но мне не нравится этот метод, — ответила она, ее отвращение к иглам было очевидным. От одной мысли об острых иглах у нее по спине пробежали мурашки, что сделало этот вариант неприемлемым. Таким образом, она пришла к выводу, что обмен кровью через поцелуй был самым простым и эффективным подходом.

— Что ты имела в виду, когда упомянула, что мы будем желать друг друга? — Спросил Ренеггер, вспоминая свое почти одержимое состояние, когда он схватил ее.

— Чем дольше мы воздерживаемся от смешивания крови, тем глубже становится связь между сознанием и телом.

Судя по тому, как сузились его глаза, было очевидно, что он не понял ее объяснения.

Карина провела рукой по груди и, с облегчением снова почувствовав спокойствие, снова перевела взгляд на него, продолжая объяснять.

— Я имею в виду, что тобой будет руководить необузданное желание. Ты и я будем жаждать друг друга до самой глубины наших существ.

Ренеггер напрягся, когда Карина заговорила о — необузданном желании. Действительно, вряд ли можно было лучше описать эмоции, которые он испытал в тот момент. Бессознательно он чувственно облизал свои красные губы языком, вспоминая опьяняющее ощущение запаха Карины, ласку ее кожи и жар ее дыхания. Если бы она не остановила это, он наверняка бы... Его расширенные глаза сузились до щелочек, и он инстинктивно приложил руку к сердцу, когда почувствовал возвращающуюся волну обжигающего жара. Сосредоточившись на настоящем, он выровнял дыхание. Она не солгала; чем еще мог быть этот неоспоримый инстинкт, как не необузданным желанием?

Не подозревая о смятении в голове Ренеггера, Карина расчетливым тоном продолжила свое объяснение.

— В конечном счете, один из нас поглотит силу другого. Она ухмыльнулась в ответ на внезапное внимание Ренеггера. — Почему ты так удивлен? Мой вид олицетворяет смерть, в то время как твой олицетворяет жизнь. Ты думал, что за союз двух принципиально противоположных видов не придется платить?

У Ренеггера не было ответа на ее вопрос, поэтому он промолчал.

— Что ж, я сильнее тебя, так что это твоя сила будет украдена, — добавила она, положив руку ему на плечо. — Итак, если ты хочешь сохранить свою святую силу, даже не думай прикасаться ко мне.

<http://tl.rulate.ru/book/104098/3751788>